

Занесённая рука Чэн Цзайе какое-то время подрагивала, прежде чем медленно опуститься на спину Цзян Шоуяня. Он сделал глубокий вдох, подавляя дрожащее дыхание, и ласково потёрся щекой о волосы Цзян Шоуяня.

Пальцы Цзян Шоуяня мёртвой хваткой вцепились в край его одежды. Он давился слезами, не в силах вымолвить ни слова. Он не хотел показывать слабость, но просто не мог совладать с собой. С того самого момента, как он услышал голос Чэн Цзайе, эмоции прорвались, словно вода сквозь рухнувшую плотину — их было уже не остановить. Он подавлял всхлипы, изо всех сил стараясь не казаться жалким. Размеренные, успокаивающие похлопывания по спине и нежные поцелуи возле уха заставили его мало-помалу расслабиться.

Чэн Цзайе чуть отстранился и, опустив голову, спросил:

— Дай посмотрю, глаза не опухли?

Цзян Шоуянь не позволил: вцепившись в его рубашку, он ещё крепче прижался к Чэн Цзайе. Эмоциональная буря немного улеглась, лишь плечи едва заметно подрагивали. Чэн Цзайе уткнулся носом ему в шею и оставил там почти невесомый поцелуй:

— Позволь мне взглянуть, хорошо?

Цзян Шоуянь спрятал лицо у него на плече и глухо пробормотал:

— Я сейчас некрасивый.

— Я тоже, — ответил Чэн Цзайе. — За эти дни даже не брился. — Он слегка потёрся подбородком о впадинку на его шее и спросил: — Колется?

Цзян Шоуянь кивнул:

— Колется.

— Разве я тебе от этого противен?

Цзян Шоуянь хрипло ответил:

— Не противен.

— Обманщик, — Чэн Цзайе погладил его по волосам. — Ты на меня даже толком не посмотрел.

Цзян Шоуянь промолчал. Он ещё какое-то время не отрывался от плеча Чэн Цзайе, а потом тихо сказал:

— Сопли текут.

Чэн Цзайе усмехнулся:

— Дать салфетки?

Цзян Шоуянь разжал пальцы, вцепившиеся в его одежду, и опустил голову. Его волосы заметно отросли — он давно не стригся, — и теперь, когда он склонил голову, они скрыли большую часть лица.

Чэн Цзайе вытянул две бумажные салфетки и обернулся. Сильно похудевший Цзян Шоуянь, не двигаясь, стоял на месте. В тусклом свете фонарей со двора он выглядел невыразимо хрупким и беззащитным. Чэн Цзайе беззвучно вдохнул, сглатывая подступивший к горлу ком: обнимая его, он чувствовал выпирающие кости, и от этого щемило сердце. Но он не спрашивал, как тот жил всё это время и почему так исхудал. Подобные вопросы, заставляющие вспоминать прошлое, похожи на тупой нож: каждый взгляд назад — удар этим ножом по живому. Пусть он и не прорезает кожу, но всё равно причиняет боль, вызывает чувство обиды и горькой тоски.

Чэн Цзайе протянул салфетки Цзян Шоуяню и указательным пальцем слегка отвёл в сторону его волосы. Цзян Шоуянь хотел отстраниться, но после секундного колебания замер. Тогда Чэн Цзайе большим пальцем смахнул слезинку, всё ещё стоящую в уголке его глаза. Она была обжигающе горячей, настолько, что его палец едва заметно дрогнул.

— Проголодался? — спросил Чэн Цзайе.

Цзян Шоуянь проспал больше трёх часов. Сейчас было начало восьмого вечера — самое время для ужина. Он скомкал салфетку и уже хотел покачать головой, сказать, что нет аппетита, но вдруг понял, что Чэн Цзайе, скорее всего, тоже ещё ничего не ел, и поэтому кивнул. Чэн Цзайе разжал его пальцы, забрал бумажный комок себе и предложил:

— Тогда закажем что-нибудь? Я видел на столе меню доставки.

Цзян Шоуянь согласился.

Пока Чэн Цзайе сидел за столом и изучал меню, Цзян Шоуянь опустился на ковёр у кровати, бездумно глядя на дворик за стеклянной дверью. Он понемногу приходил в себя. Его сознание словно раскололось надвое: одна половина была охвачена оцепенелым спокойствием, а другая невыносимо стыдилась своей истерики. В последнее время с ним постоянно происходило нечто подобное, словно внутри жили два разных человека: одна часть его существа считала, что не стоит так остро реагировать, а другая никак не могла выбраться из трясины эмоций. Но сейчас преобладало чувство полнейшего неверия в происходящее. Он не мог поверить, что человек, находившийся за тысячи километров от него, взял и пересёк пятнадцать часовых поясов и этим вечером сидит рядом с ним.

До Цзян Шоуяня с запозданием дошло, что он, кажется, забыл спросить, как Чэн Цзайе вообще здесь оказался. А ещё он вспомнил про Ци Чжоу, который ушёл искать ветки для снеговика и до сих пор так и не объявился. Цзян Шоуянь медленно моргнул. Неужели обо всём рассказал Ци Чжоу? Но откуда Чэн Цзайе знает Ци Чжоу? Или, может, он всё ещё спит и видит сон?

В голове Цзян Шоуяня царил полнейший хаос, будто внутри заперли сотню маленьких человечков, которые непрерывно спорили друг с другом. Он потянулся было дёрнуть себя за волосы, но стоило ему чуть приподнять руку, как её тут же перехватили.

— Пойдём за стол? — Чэн Цзайе опустился рядом с ним, большим пальцем нежно поглаживая тыльную сторону его ладони.

Цзян Шоуянь ошеломлённо повернул голову, глядя на Чэн Цзайе, и шум в мыслях внезапно стих. Ни Цзян Шоуянь, ни Чэн Цзайе так и не включили верхний свет, в комнате горела лишь небольшая настольная лампа, и её тусклых лучей не хватало, чтобы осветить этот тёмный угол. Зато во дворе было светло, и отблески фонарей, отражаясь от снега, падали на лицо Чэн Цзайе, наполняя его взгляд теплом. Цзян Шоуянь не двигался и не произносил ни слова, лишь во все глаза смотрел на Чэн Цзайе. Тёмные зрачки Цзян Шоуяня казались в густом мраке ночи ещё чернее, в них читалась почти болезненная одержимость.

— Что такое? — Чэн Цзайе протянул руку, снова слегка отвёл прядь его волос в сторону и коснулся щеки. — Цзян Шоуянь, ты такой красный. — Он бросил взгляд ему за спину и с улыбкой добавил: — Зачем уселся прямо перед обогревателем? Тебе не душно?

Цзян Шоуянь словно только сейчас пришёл в себя и медленно моргнул. Он поднял руку и схватил Чэн Цзайе за запястье, но не успел он ничего сказать, как на прикроватной тумбочке резко зазвонил стационарный телефон. Резкий, настойчивый звук разорвал тёмную тишину. Цзян Шоуянь опустил глаза и произнёс:

— Телефон.

— Угу, — отозвался Чэн Цзайе. — Должно быть, доставили еду из ресторана.

— Встанешь? — снова спросил Чэн Цзайе. — Пойдём, сядем за стол.

Цзян Шоуянь чуть сильнее сжал его руку, и тогда Чэн Цзайе перехватил его за запястье и потянул за собой, помогая подняться, затем наклонился и сбросил звонок.

— Я схожу заберу, — сказал он, подводя Цзян Шоуяня к столу. — Посиди тут, подожди меня.

Чэн Цзайе вышел в гостиную и открыл входную дверь. Гладкий, округлой формы робот-доставщик медленно откинул перед ним свою «голову».

Когда Чэн Цзайе с пакетами вернулся в спальню, свет в комнате уже горел. Цзян Шоуянь сидел возле стола, подтянув к себе ногу и прикрыв глаза рукой, чтобы привыкнуть к яркому освещению. Чэн Цзайе ничего не сказал, лишь стал один за другим доставать контейнеры с едой из пластикового пакета.

Услышав шуршание, Цзян Шоуянь сначала осторожно приоткрыл лицо и некоторое время тихо наблюдал за ним из-под руки, прежде чем окончательно её убрать.

— Зачем ты заказал так много? — он опустил взгляд. Волосы по-прежнему скрывали бóльшую часть его лица, а говорил он всё ещё в нос.

— Я и не думал, что порции здесь такие огромные. В других отелях они вдвое меньше, — сказал Чэн Цзайе.

Выбор в меню был невелик, поэтому Чэн Цзайе заказал свинину в кисло-сладком соусе, харбинскую колбасу, жареные овощи и густой овощной суп.

Цзян Шоуянь начал с супа. Сделав пару глотков, он вдруг о чём-то вспомнил, повернул голову и попытался встать.

— Что тебе нужно? Я принесу, — спросил Чэн Цзайе.

— Телефон.

Чэн Цзайе взял с прикроватной тумбочки телефон и передал ему, но отходить не стал, а уселся вплотную к Цзян Шоуяню.

Они сидели за низким журнальным столиком. Цзян Шоуянь чуть отодвинулся к краю ковра:

— Что такое?

— Мне холодно, — ответил Чэн Цзайе. — А если прижаться, то теплее.

Цзян Шоуянь бросил на него быстрый взгляд. Чэн Цзайе, опустив голову, ел из своей пиалы, время от времени подкладывая Цзян Шоуяню кусочки еды.

Цзян Шоуянь открыл диалог с Ци Чжоу в WeChat. Тот писал ему ещё с обеда: объяснил, как именно связался с Чэн Цзайе, сообщил, что они с Линь Хуанем сегодня не вернутся в отель и поехали ужинать домой. А ещё прислал несколько фотографий блюд, которые приготовила мама Линь Хуаня, и посетовал, мол, какая жалость, что тебе не доведётся этого попробовать.

Внезапно к его губам поднесли небольшой кусочек свинины.

— Что ты там увидел?

Цзян Шоуянь на мгновение замер, прежде чем открыть рот и принять еду. Затем он повернул голову, какое-то время смотрел на Чэн Цзайе, а после протянул руку и провёл пальцами вниз от его бровей, пока не нащупал короткую щетину. Только почувствовав, как она колется, он

словно бы по-настоящему осознал реальность происходящего. Он поднял взгляд на Чэн Цзайе: казалось, тот тоже немного похудел, а может, из-за небритости просто выглядел чуть взрослее. Но эта толика взрослости бесследно исчезала, стоило Чэн Цзайе, прищурив глаза, улыбнуться. Он оставался всё таким же тёплым, со всё той же неуловимой диковатой аурой.

Обхватив Цзян Шоуяня за запястье, Чэн Цзайе прижал его руку к своей груди:

— Почувствуй.

У Чэн Цзайе была высокая температура тела. Его сердце мощно и ритмично билось прямо под ладонью Цзян Шоуяня, удар за ударом, отчего кончики пальцев слегка покалывало.

— Я настоящий, Цзян Шоуянь. Я здесь, наяву.

Цзян Шоуянь рефлекторно попытался отдернуть руку, но Чэн Цзайе не позволил, крепко удерживая её на месте. Отложив палочки для еды, он подался чуть вперёд, чтобы ещё плотнее прижать ладонь к своей груди.

— А что насчёт тебя, Цзян Шоуянь? Можешь больше не прятаться?

Его взгляд был слишком обжигающим, и Цзян Шоуянь инстинктивно попытался отвести глаза, но Чэн Цзайе мягко взял его за подбородок, заставляя поднять голову, и тихо спросил:

— Пожалуйста, можешь больше не убегать от меня? Раз ты согласился сесть со мной за один

стол, значит, в глубине души готов меня принять. Так что прошу, не убегай больше, хорошо?

Пальцы Цзян Шоуяня дрогнули и непроизвольно сжались, словно от ожога. Он смотрел в глаза Чэн Цзайе, но думал лишь о том, как жалок сейчас. Опустив взгляд, он обречённо прошептал:

— Со мной слишком тяжело... Ты устанешь.

Чэн Цзайе улыбнулся и большим пальцем мягко провёл по уголку глаза:

— Цзян Шоуянь, ты же меня знаешь. Я бы не приехал сюда, если бы не был готов. К тому же, в тебе нет ничего тяжёлого, — продолжил Чэн Цзайе. — Ты мягкий, добрый, сильный и невероятно ответственный.

Чэн Цзайе опустил взгляд на запястье Цзян Шоуяня с пугающе выпирающими косточками, и в глазах предательски зашипало. Он поднёс его запястье к своим губам, медленно поцеловал, и его голос вмиг стал хриплым:

— Позволь мне любить тебя, хорошо?

\*\*\*

После ужина Цзян Шоуянь сидел на краю кровати и через стекло наблюдал за снежными розами во дворе. Выбросив мусор, Чэн Цзайе вернулся в комнату и увидел, что Цзян Шоуянь всё так же сидит на кровати, погружённый в свои мысли. Он медленно подошёл, ласково потёрся своими волосами о волосы Цзян Шоуяня и спросил:

— Пойдём на улицу лепить розы?

То ли дело было в слишком нежном взгляде Чэн Цзайе, из-за которого Цзян Шоуянь просто не нашёл в себе сил отказать, то ли недавние слёзы помогли выплеснуть скопившиеся эмоции, но сопротивляться больше не хотелось.

Закутавшись в пуховик и натянув тонкие перчатки, он сидел на корточках в снегу и смотрел, как Чэн Цзайе с помощью какой-то пластиковой карточки сплюсчивает снежки в тонкие лепестки, а затем слой за слоем лепит их на ветки.

Цзян Шоуянь последовал его примеру: прилепил на ветку небольшой комок снега, а затем начал обрачивать вокруг него лепесток за лепестком. Он лепил не голыми руками, а в перчатках, поэтому розы получались не слишком изящными, но, воткнутые в снег, снежные цветы всё же представляли собой завораживающее зрелище.

Цзян Шоуянь и сам не заметил, сколько времени они вот так просидели на корточках за лепкой. Постепенно он даже решился на хулиганство и украдкой сунул пригоршню снега Чэн Цзайе за шиворот. А потом, попытавшись увернуться и сбежать, поскользнулся и растянулся на снегу, нелепо раскинув руки и ноги.

Снежный покров был ещё недостаточно глубоким, поэтому падение оказалось довольно жёстким. Цзян Шоуянь так и остался лежать в снегу раскинув конечности, глядя в чёрное ночное небо. Двигаться не хотелось.

Чэн Цзайе вытряхнул снег из-за шивороты и уселся рядом. Понаблюдав за ним какое-то время, он вдруг стянул зубами свои перчатки. Цзян Шоуянь резко сел:

— Зачем ты снял перчатки? На улице холодно.

Чэн Цзайе, осторожно сминая в руках снег, ответил:

— Хочу слепить для тебя самую изящную розу.

Цзян Шоуянь попытался силой натянуть на него перчатки, но Чэн Цзайе со смехом увернулся:

— Да ладно тебе, это будет быстро.

Его пальцы и впрямь двигались очень проворно. Вскоре он протянул Цзян Шоуяню самую красивую во всём дворе розу.

— Полночь, Цзян Шоуянь.

Цзян Шоуянь посмотрел на его покрасневшие от мороза руки:

— И что? Чары Золушки сейчас развеются?

— С двадцать девятым днём рождения, — улынувшись, произнёс Чэн Цзайе.

<http://bllate.org/book/14908/1612785>